

ОЛЬГА ШМАКОВА

И в каждой былинке таится душа...

СБОРНИК СТИХОВ

Ольга Шмакова

**И в каждой былинке
таится душа...**

«Издательские решения»

Шмакова О.

И в каждой былинке таится душа... / О. Шмакова —
«Издательские решения»,

В книге представлены стихи замечательной русской поэтессы Ольги Шмаковой. Широта тем её стихов, легкость и простота стиля произведений Ольги не оставят равнодушными самых разных читателей и подарит вам радость соприкосновения с прекрасным поэтическим словом

Содержание

Слово об авторе	7
Вот и ушло тихонько детство...	8
Покинутое детство	9
Мой рыцарь	10
Песнь домохозяйки	11
Зимняя баня	12
Надюшке	13
Лёшка-скиф	14
Девичьи слёзы	15
Маше – семнадцать	16
Волоколамску	17
Индийских перьев голоса	18
Сон	19
Бизонья охота	20
Всадники-призраки	21
Бродяга	22
Речь пленённого индийского вождя	23
Моя тайна	24
Мне б ощутить полёт...	25
Орёл	26
Мысли о разном...	27
Сорок минут	28
Вокзал. Полнолуние	29
Тяжело	30
Больная Земля	31
Трактор «Беларусь»	32
Поэту	33
С душой наизнанку	34
Клеймо на Чебурашку	36
Новый век	38
Сердце Земли	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

И в каждой былинке таится душа...
сборник стихов
Ольга Шмакова

© Ольга Шмакова, 2015

Редактор Николай Иванович Дорошенко

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Слово об авторе

Ольга Шмакова появилась в русской поэзии как-то вдруг, и вовсе не с ученическими стихами. Первые же публикации никому неизвестной поэтессы на сайте Союза писателей России «Российский писатель» были сразу же замечены её маститыми коллегами. «Вы выразили то, о чём сейчас говорят и думают уже миллионы соотечественников, но так, как Вы сказать не умеют. Потому что сказать так дано лишь единицам, которые свою мысль умеют облечь в нужную форму, соединив её с культурой изложения», – написал ей в своем комментарии поэт и литературный критик Григорий Блехман. И известный поэт и публицист Александр Бобров о цикле стихотворений Ольги Шмаковой, посвященном событиям в Новороссии, написал так: «...ты сделала огромный шаг вперёд в своей гражданской лирике. В твоём открытом женском сердце отозвалась боль Донбасса и переплавилась в строки». Как о «чутком барометре настроений в обществе» отозвалась о поэзии Ольги Шмаковой и старейший наш поэт Сэда Вермишева. Да и простые читатели, отмечали, что стихи её «написаны с любовью», что «в них ощущается её дыхание», что «они наполнены жизненным смыслом и душевным уютом». Что ж, попробую и я ответить на вопрос, почему поэзия Ольги Шмаковой даже на профессиональном писательском сайте, где никого не удивишь ни известнейшими именами, ни изысками поэтического мастерства, вдруг оказалась для многих столь притягательной. Наверное, в первую очередь следует отметить, что Ольга Шмакова не создает свой поэтический мир, а в нём живет. Даже если она стоит у кухонной плиты, то и обыкновенная выпечка блинов превращается у неё в поэтическое действие (стихотворение «Обречённый на успех»). И обыкновенный, брошенный в поле трактор, под её взглядом вдруг становится частью наполненного трагическими современными смыслами русского пейзажа: «Поеден ржой, и выплакал всё масло, // И бак соляркой не заправлен вновь. // В деревне жизнь тихонечко угасла, // И стынет в жилах дизельная кровь». («Трактор «Беларусь»). Да и не только красотой, а и необыкновенной точностью рисунка всегда поражают её стихи. Даже если речь в них идет о столь часто воспеваемой поэтами луне: «Ночной вокзал окутан мраком плотным. // Стою, боясь прощания с тобой. // Бог полнолуния зельем оборотным. // Льет мне на плечи отсвет голубой...». Или: «Туманной струной, сквозь окна проём, // Тугой лунный луч повис. // И, кажется, можно играть на нем, // И звук его будет чист...» То есть, кажется, что Ольга Шмакова не сочиняет свои стихи, а воистину живет и дышит ими. И её лирический герой не создан ею, как некий наш современник, отвечающий на все вызовы времени, а это она сама, это тот человек, у которого «Душа течёт из сердца на бумагу // Ручьём неровных выстраданных строк...» («Поэту»). А что в поэзии бывает более драгоценным, чем живая душа поэта?

*Николай ДОРОШЕНКО,
директор издательства «Российский писатель», секретарь
правления Союза писателей России*

Вот и ушло тихонько детство...

Покинутое детство

Я помню: лёд тончайший под ногой,
Я наступаю, а пузырь воздушный
Меня форму, будто бы живой,
Прочь от ноги бежит. И мне не скучно —

Прозрачный лёд я трогаю рукой,
Моя ладонь протаивает льдинку,
Я обжигаюсь стылою водой
И лёд крошу ударами ботинка.

Потом тянусь до дедовой руки,
Что б пальцы греть в его большой ладони.
И все гляжу, как меряя круги,
Вокруг фонтана деток возит пони.

А если я споткнусь – из лужи слёз
Подмышки меня дедушка подхватит.
А бабушка, надев очки на нос,
Пришьет к штанам веселую заплату.

Мне так в то время было хорошо...
Я отыскать давно мечтаю средство,
Что б, хоть на час, забросить мир большой
И вновь попасть в покинутое детство...

Мой рыцарь

Посвящается моему мужу Владимиру

К судьбе, до камушков разбитой,
Явился рыцарь без коня.
Разрыл обломки деловито,
Оттуда вытащив меня.

Забрало маски с черным оком
Скрывало облик молодца,
Не афишируя до срока
Черты весёлого лица.

Спаситель, давший мне свободу,
Одетый полностью в брезент,
Вооруженный электродом,
Завоевал меня в момент!

И приварил меня умело
К себе, уверенной рукой,
Крепчайшим швом изящно, смело,
Электросваркой дуговой.

Искря фонтаном, быстро, ловко,
На совесть шов он свой ваял!
Не оторвать меня от Вовки —
Застыл расплавленный металл.

Песнь домохозяйки

Не рыбачка я, не амазонка,
И рыбацкий подвиг – не по мне!
А по мне – кастрюльный подвиг звонкий
На кухонном голубом огне.

Пусть я не воительница с луком,
Пусть не дружат спиннинги со мной,
Но пюре картофельным, да с луком,
Будет завоёван мой герой!

Пусть не смеют девы-амазонки
Подступать к герою моему!!!
Я оружием – скалкой, по лбу звонко
Быстро объясню им, что к чему!

Зимняя баня

Ух, баня, баня! Жарит очумело!
Разгульный пар, не знающий границ,
Целует щёки женщин пышнотелых,
Любуясь цветом помидорных лиц!

Ах, баня, баня! Жаркая утроба!
В ней забывает беды человек.
И оседают вмятины в сугробах,
Там, где тела бросались с визгом в снег.

Ох, баня, баня! Шпарит жар до дрожи!
Вплоть до костей ты выпарен и чист!
И как печать, в знак качества, на кожу
Налип пятном настырный банный лист...

Надюшке

«Росинка, упавшая со звёзд» – буквальный перевод с ацтекского слова «цветок».

Со звёзд упавшей маленькой росинкой
Однажды в этот мир явилась ты.
Из слов сплетенья – целая картинка!
(Ацтеки называли так цветы)

И ты росла тихонько, незаметно,
Листочки распустились – хороши!
И расцвела цветочком белоцветным,
Моя росинка, дрожь моей души...

Быть может скоро об руку с любимым,
Пойдёшь к венцу ты в облаке фаты,
Пусть ваши чувства, ангелом хранимы,
Не растеряют юной чистоты.

Хочу, чтобы избранник твой любимый
С тобою свил крепчайшее из гнёзд.
Что б к вам в гнездо, с небес необозримых,
Для вас росинки падали со звёзд...

Лёшка-скиф

Алёшка, сын, пришёл с мечом домой...
Землёй давно военный правит атом,
Но миром скифов болен Лёшка мой,
И потихоньку собирает латы.

Себе клепая шлемы и щиты,
В век двадцать первый порох презирая,
Из городской безликой суеты
Сбегают парни, в прошлое играя.

Неся кольчуг железо на плечах,
Блестя на шлемах брызгами рассвета,
Идут мальчишки биться на мечях,
Назло ракетам, ружьям, пистолетам.

Претит им подлость пуль из-за угла.
Близка их душам честь единоборства,
Где наказаньем истинным для зла —
Лишь сила рук, да стали благородство.

Искусство боя, скрытое в веках,
Даётся лишь тому, чей дух достоин
Держать оружие древнее в руках
И называться гордым словом – воин.

Девичьи слёзы

Что-то тревожно сейчас у меня на душе...
Чувство пытаюсь понять, не найду я причины.
Будто заносит машину на льду в вираже.
Мается сердце мое неизвестной кручиной.

Как же мне сладить с тревожной душевной волной?
Боже, с какой стороны ожидать неудачи?
Слышу неясные звуки за толстой стеной.
Дверь открываю – дитя моё бедное плачет.

Прячется в комнате дочка семнадцати лет.
Сердце, разбитое вдребезги, лечит слезами.
Плюшевый мишка в объятьях, и выключен свет.
Что же стряслось? Расскажи перепуганной маме?

Слышу сквозь слёзы: «Мамуля, он бросил меня...»
Из берегов вышли глаз невесёлых озёра,
Слёз водопады со щёк льются на пол, звеня.
Нет, не помогут сейчас ей мои уговоры...

Мне бы забрать у неё эту острую боль,
Мне б успокоить убитое горем сердечко,
Что бы не сыпались слёзы, не жгли бы как соль
Свежую рану души моего человечка...

Доченьку крепко обняв, я сижу и молчу,
Сердце читая её, как знакомую книжку.
Завтра, пожалуй, на слёзы её поворчу...
Ну а сейчас – пусть промочит несчастного мишку...

Маше – семнадцать

В сознание собственном – царица!
Шокируя длиною ног,
Идёт, красуется девица,
Всем обсужденьям поперёк!

Газели стать – в движеньях плавных,
Скрыт в сердце чувств девятый вал.
Гиперболоид глаз лукавых
Разит лучами наповал

Мальчишек, падких на кокетство
Её трепещущих ресниц.
Вот и ушло тихонько детство,
Как тень прочитанных страниц...

Ах, Маша, Маша, дочка наша...
Какой на сердце был покой,
Когда ты с ложки ела кашу,
И не была ещё такой —

Своей красе узнавшей цену,
Открытой солнцу и ветрам...
...Приходят дети нам на смену
Жить в счастье с горем пополам...

Дай, Бог, им горюшка поменьше...

Волоколамску

Волоколамск! Я признаюсь тебе
В своей любви... Своею красотой
Ты прикоснулся к сердцу и к судьбе,
Околдовав славянской простотой.

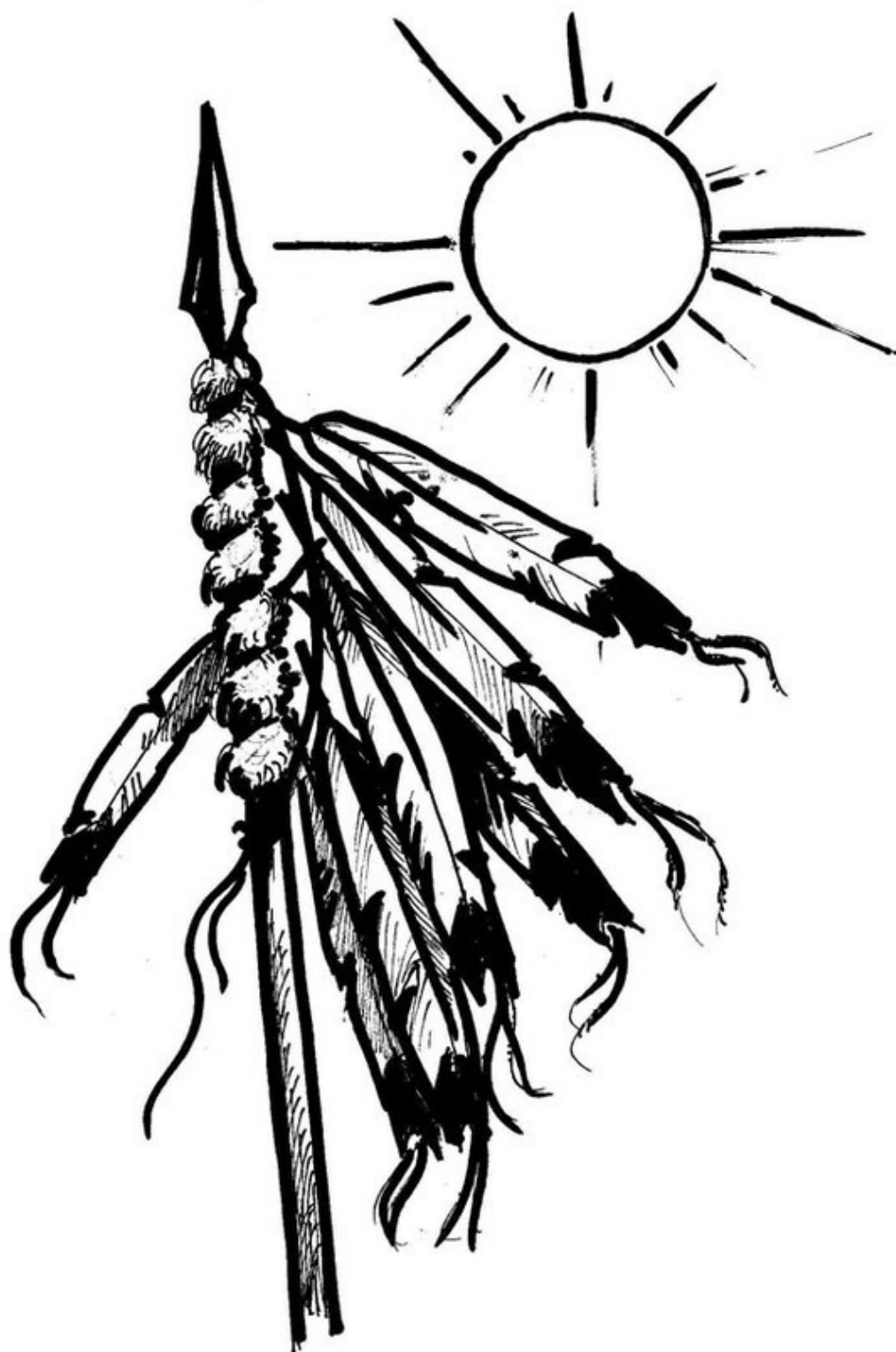
Мне пела Лама тихо и светло
Речную песнь, струясь неторопливо.
Стихи мои здесь встали на крыло,
Резвясь под сенью величавой ивы.

Мне дорог край седых твоих холмов,
И темнота лесов твоих еловых.
Ты дал мне здесь когда-то хлеб и кров,
И драгоценный кладезь знаний новых.

Волоколамск... Пронзая глубь времён,
Твой русский дух по-богатырски волен.
И твоё имя – будто перезвон
Твоих церковных строгих колоколен...

Я кланяюсь тебе, Волоколамск...

Индейских перьев голоса

Сон

Быть может, всё это странно,
Но вижу я часто сон.
Как возле реки туманной,
Под звёзд неумолчный звон,

Встречает индейский лагерь
Восход молодой луны.
И плачет койот в овраге,
И шорохи трав слышны.

Пасутся тихонько кони,
Искрясь в голубых лучах.
А рядом на страже воин
С высоким копьём в руках.

Здесь в душах людей – свобода,
Здесь подвиг – закон сердец,
Здесь гордость – черта народа,
А труса здесь ждёт конец.

Быть может, всё это странно,
Но тянет меня туда,
В тот лагерь в плаще тумана,
Исчезнувший навсегда...

Бизонья охота

«Великий и Таинственный!

Дай нам бизонов, бизонов.» – обрядовая песня американских прерийных индейцев, призывающая бизонов в сезон охоты, дабы обеспечить народ пищей на всю зиму.

Грохот копыт – словно гром в небесах,
Стадо колыхается тучей.
Солнце сверкает на грозных рогах,
Пляшет на спинах могучих.

Неудержимой широкой волной
Звери несутся по склонам.
Брат, не напрасно мы пели с тобой:
«Дай нам бизонов, бизонов!»

Конь мой и я, мы сплотились в одно —
В дикого Духа Погони.
С нами Великое Солнце! Давно
Ждали охотничьи кони

Этого дня, этой скачки лихой!
Мчатся, как лёгкие стрелы!
Брат, пусть удача пребудет с тобой,
Конь будет лёгким и смелым!

Прерия стонет... Лавиной по ней
Льётся огромное стадо.
Просим: Простите нас, Духи зверей!
Мы – не со злобы. Так надо.

Вы – наша жизнь! Вы – наш зимний покой!
Верны вы древнему зову
Песни священной... Гремящей рекой
Мчитесь, бизоны, бизоны!

Всадники-призраки

Вольный перевод ковбойской песни.

Летят по небу всадники, взбивая облака.
Хлыстами белых молний они тучам бьют бока!
И гром копыт небесных долетает до земли,
Звучит в горах раскатами, теряется вдали...

Колышутся, волнуются бизоньи спины туч,
И мечется от страха между ними солнца луч!
Но призрачные всадники всё гонят их вперёд.
И скоро стадо чёрных туч умчит за горизонт...

И вновь, дождём умытый, засияет небосвод,
Орёл расправит крылья и продолжит свой полёт.
Лишь изредка могучий гром звучит издалика —
То всадники небесные всё гонят облака...

Бродяга

Над прерией седой парит мой брат – орёл,
Меня своим крылом приветствуя с небес.
Я тот, кто для себя приюта не нашёл,
И домом стали мне лишь прерия, да лес.

Мне нечего терять, свободен я и смел.
И весело мой конь несёт меня вперёд.
И пусть ещё вчера я жить так не умел,
Довериться судьбе пришёл и мой черёд.

Бродяга – я, и ночь – подруга для меня.
А мой большой костёр – мой самый верный друг.
И звёзды смотрят вниз и падают, звеня,
В высокую траву, моих касаясь рук.

А завтра – снова в путь. Несётся жизни круг!
И пусть навстречу мне волнами ляжет степь.
Я – сам себе судья. И пусть сто бед вокруг,
Свободу не сменю на золотую цепь.

Речь пленённого индейского вождя

«Отравленной стрелой вонзилась в грудь неволя...
И в сердце с этих пор волною плещет боль.
Не знаю, с чем сравнить мне ярость этой боли...
Что б сгинул я, ты ждёшь? Ну что ж, мой враг, изволь.

На Запад я уйду Дорогой Солнца¹ дальней.
И скроет пыль веков мой ровный лёгкий след.
Быть может для меня нет горести печальней,
Чем в клетке жить, как зверь, так много-много лет.

Но нет, не жди, мой враг, что я бесследно кану.
Я буду мстить тебе за мой жестокий плен.
Я шелестом травы, я птицей вещей стану,
И я найду тебя средь самых прочных стен.

Ведь языком моим здесь названы все реки,
Все зеркала озёр, все горы и леса.
Бескрайняя страна – она моя навеки!
О том индейских перьев шепчут голоса...»

Близка мне речь вождя, и боль за дом родимый,
Что отняли враги и не вернут назад.
Сегодня и ко мне в Россию враг незримый
Всё лезет и для нас готовит резерват.

Он поумнел, мой враг! Не лезет тупо в драку,
Кошель – наперевес, с улыбкой на устах.
Он знает – мой народ, коли пойдёт в атаку,
Того, кто нападёт, размесит в пух и прах!

Ну так откликнись мне моё родное племя!
Где Русичи мои? Свобода на кону!
Опомнитесь вожди, пока ещё есть время,
Пока ещё не всю распродали страну...

¹ «Уйти дорогой солнца» – по индейским верованиям значит умереть.

Моя тайна

Луна уронила к моим ногам
Свой любопытный взор.
Затихли давно суета и гам,
Дремлет безмолвный двор.

Туманной струной, сквозь окна проём,
Тугой лунный луч повис.
И, кажется, можно играть на нем,
И звук его будет чист.

Легенды поведаёт лунный звук.
Я вижу и слышу их!
И чувствую я и колчан и лук
В окрепших руках своих.

Схватившись за гриву, вскочив верхом
На своего коня,
Я исчезаю в краю глухом,
И не ищи меня...

Мне прерия в ноги ковром легла,
Мчу я к своей судьбе.
И гордые люди с душой орла
Примут меня к себе...

Луна закатилась, вернув меня
В мир настоящий мой.
И прерии нет здесь, и нет коня...
Но тайна моя – со мной.

Мне б ощутить полёт...

Взмываешь ты легко над голубой планетой,
Вращаешь, хохоча, стада свинцовых туч,
То холодом зимы, то жарким вздохом лета
Играешь ты, шутя, свободен и могуч.

Возьми меня с собой, безликий странник ветер!
Я так хочу с тобой подняться в небеса,
Кружась, расцеловать все облака на свете,
И в бездне ночи звёзд услышать голоса.

Возьми меня с собой! Хочу обрести свободу,
Оставив на земле бескрылый свой удел,
И прошептать: «Люблю...» ночному небосводу,
И сбросить хоть на миг оковы вечных дел.

Мне б ощутить полёт... Мне многого не надо!
Свирепо пыльный вихрь вздымая по пути,
Промчи меня, кружа неистовым торнадо,
И бережно, как пух, на землю опусти...

Орёл

Без страха с отвесного скального края
Бросаюсь я в синюю бездну небес.
Мне чужда горластая шумная стая.
Я гордо несу одиночества крест.

В объятия воздуха ток восходящий
Поймаю, и силе его покорюсь,
Взлечу высоко... Силуэт мой парящий
Исчезнет за облаком, плавно кружась.

Охотничий крик мой звенящий и смелый
Пронзает кинжалом небесную тишь.
Бросаю в пике я пернатое тело,
Добыча молись! От меня не сбежишь!

Я вижу тебя, глаз мой зоркий и верный
Я витязь небес, я погибель, я тать.
И сердце моё разорвётся наверно,
Когда не смогу я парить и летать.

Прошу тебя, небо, раскрой мне объятия!
Вновь бездне навстречу бросаюсь со скал
Когда-нибудь ветер, с кем были мы братья,
Над телом моим пропоёт: «Он летал...

Он ведал великое счастье свободы»
Но жив я пока!.. Друг мой ветер, привет!
Да здравствует дивная высь небосвода,
И солнца встающего радостный свет!

Мысли о разном...

Сорок минут

Идёт электричка, качаясь легонько,
По прихоти рельсовых волн.
Народ засыпает на лавках тихонько,
Привычен и скучен вагон.

Электромотора ревун монотонный
Знаком, неназойлив, как фон.
Меняется быстро пейзаж законный
С обеих вагонных сторон.

С работы до дома, от дома к работе...
Отмерив мне сорок минут
Для мыслетечения в наземном полёте,
Колёса бегут и бегут.

И мысли-вагончики плавно, неспешно,
Одна за другою, гуськом,
То грустно, то ясно, то чуточку грешно
В уме проплывают моём.

Весь день – в суматохе, как в ведьмином круге...
Успеть бы везде, там и тут.
Но что б поразмыслить чуть-чуть на досуге,
Мне дарены сорок минут.

Здесь я не спешу, мне не нужен попутчик.
Сквозь время, немного устав,
Я еду и щуруюсь на солнечный лучик,
Приветствуя мыслей состав.

Вокзал. Полнолуние

Ночной вокзал окутан мраком плотным.
Стою, боясь прощания с тобой.
Бог полнолуныя зельем обратным
Льет мне на плечи отсвет голубой.

С шипеньем кобры двери закрывая,
Внезапно дрогнув, тронулся вагон,
В тьму уходя... Печально вслед моргая,
Мерцали звёзды. Опустел перрон.

А лунный диск безмолвно равнодушно
Всё ткёт свою незримую вуаль.
Мне без тебя так холодно и душно...
А ты летишь в неведомую даль.

Завыть бы вслед дрожащим рельсам тонким,
В ответ услышав электрички свист.
И, обернувшись быстроногим волком,
По шпалам мчать, что б видел машинист,

Что б дёрнул ручку тормоза руками,
Догнать тебя пытаюсь мне помочь...
Но электричка с волчьими глазами
Уже нырнула в призрачную ночь.

Тяжело

Жить тяжело. В огромном страшном мире-
Террор и смерть, пожары и потоп.
Хоть навсегда запишись в своей квартире,
Иль для побега выкопай подкоп,

Иль поплотней закрой глаза и уши,
Но и в скафандре тоже спасу нет,
И не спасают верные беруши —
Вползает в мозг кошмарный телебред.

Не оторваться от телеэкрана.
Потоки грязи, боли, черноты
Нас превращают в теленаркоманов,
Чтоб души наши сбросить с высоты.

Но красоты мы жаждем, словно хлеба,
И голодают люди без любви.
Ну поглядите – как прекрасно небо,
Как воспевают ночи соловьи!..

Остановитесь, люди, встаньте рядом,
Подставьте руки – дождик с неба льёт.
Забросьте всё, и мир окиньте взглядом —
Там доброта ромашками цветёт.

Вернитесь к ней, сокровищ нет дороже.
Глотните сил в сиянии ясных дней.
Мой стих так прост, но вдруг он вам поможет
Средь зла и горя сделаться сильнее!..

Больная Земля

В голубом океанском убранстве,
У Вселенной спасенья моля,
Мчит корабль в безвоздушном пространстве,
Под названьем Планета Земля...

Ощетинились горные пики,
И изломы заснеженных скал
Испускают безмолвные крики
Сквозь вершин белозубый оскал.

Слёзы рек переливно и тихо
Омывают планеты лицо.
Нашей жадности чёрное лихо
Сжало Землю бездушным кольцом...

Не сбежать никуда от несчастья
С орбитальной дороженьки прочь.
Не укрыться от страшной напасти,
Улетев во вселенскую ночь.

От легчайших слоёв атмосферы,
До глубин океанского дна,
Потеряв в человечество веру,
Человечеством тяжело больна,

Мчит планета, вращаясь степенно,
По извечной дороге-пути...
Но наступит ли миг драгоценный,
Когда крикнем родимой:

«Прости!!!...»

Трактор «Беларусь»

Здесь был колхоз. На поле запустелом
Кусты полыни навевают грусть.
В канаве, вбок скривясь железным телом,
Стоит забытый трактор «Беларусь».

Поеден ржой, и выплакал всё масло,
И бак соляркой не заправлен вновь.
В деревне жизнь тихонечко угасла,
И стынет в жилах дизельная кровь.

Эх не придёт от курева осиплый
Друг-тракторист по имени Иван.
И механизм шатунно-кривошипный
Не передаст движенье на кардан...

Ржавеет трактор. Сердцем безотказным
В четыре такта не взрвёт мотор.
А у домов, забытых понапрасну,
От горя пьяный, валится забор...

Поэту

Кто разжирел и влать живёт, играя,
Кто – проутюжен тяжким грузом бед.
Тяжёлый путь по жизни выбирая,
Несёт свой Крест Пылающий поэт.

Он, как мишень, заметен отовсюду,
И всяк готов его рубить сплеча,
Иль с самосвала сбросить грязи груды,
Навек что б смолк и правду не кричал...

Но, взяв пера отточенную шпагу,
Судьбой изранен, жив поэт-пророк.
Душа течёт из сердца на бумагу
Ручьём неровных выстраданных строк...

С душой наизнанку

Эй вы, кто стоит у руля
Страны, заплутавшей в тумане!
Ведь это и ваша земля,
А мы, как и вы – россияне.

Но кто мы для вас? – просто сброд,
Как мусор, прилипший к ботинку.
Стряхнуть, и забыть про народ —
Он портит благую картинку!

А пашню кусками, как торт,
Разрезать, продать подороже.
А мысль о России – за борт!
И совесть последнюю – тоже.

А что там ещё в закромах?
Ах, лес заповедный не продан?
Торги обретают размах...
Да Бог с ним, с каким-то народом!

Народ – миллион лишних ртов,
Всё терпят? Послушные овцы,
Пусть роются стадом кротов
За Рубль, воссиявший, как солнце!

Пусть правит Великий Карман,
Карман ненасытно-бездонный!
И жажды наживы дурман
Растёт на дрожжах неуклонно...

...Хранители этой земли
Отцы ваши были и деды,
Они на себе пронесли
Всю тяжесть Войны, до Победы,

Не зная, что меньше чем век
Минует, и вырвутся к власти
Все те, для кого Человек
Подобен ненужной запчасти.

Эй, вы, кто пробрался наверх,
Чьё сердце в броне, как у танка,
Неужто, под дьявольский смех,
Росли вы с душой наизнанку?..

Ведь это же наша страна!!!...

Клеймо на Чебурашку

Живу сегодня с жутким ощущением,
Что вся страна попала под колпак.
А сквозь колпак потоком льют внушенья,
Что и живем и дышим мы не так,

Не так растим детей своих любимых,
И в школах учим вовсе не тому...
Не вижу я советчиков незримых,
Что подобрались к дому моему.

Кому пришла бредовая идея?
Кто там вверху подвинулся умом?
Смотрю, дивлюсь, невольно холодея,
Как метят наши мультики клеймом.

Не верю я! Не учат в них насилию!
В них свет добра, в них песнь души живёт!
А на экранах «Симпсонов» засилье,
«Макдаков Скруджей» алчный хоровод.

В чём провинились тяжело Заяц с Волком?
И даже Гена, добрый крокодил,
Никак не может разобраться толком,
Что он в своём мультфильме натворил???

Из наших душ тихонько и в раскачку
Изъяли ценз: презрение к дерьму,
И мы, жуя чужую тележвачку,
Как под гипнозом движемся во тьму.

Ведь не запрет же, просто указанье:
«Ну, погоди!» так вреден малышам!
Добро? Любовь?...излишни эти знания!
И урезонить нужно пап и мам!

Не оторвать уже от сплетен светских
И не поднять с диванов наших тел.
А там Героев мультиков советских
Конвой из Скруджей гонит на расстрел.

Что ж мы молчим, послушные букашки?
Что я кричу?...Не слушает никто...
И слёзы льют из глаз у Чебурашки,
И в них один немой вопрос: «За что?»

В своей стране я словно в окруженье.
Знать не могу, что ждет нас впереди...
Назло врагам, с великим наслаждением,
Смотрю с детьми мультфильм «Ну, погоди!»

Новый век

Восьмой десяток деду лет.
Вновь май, Победы годовщина.
Льёт на Москву Ярило свет.
У лавки ползает мужчина —

Лет сорока, ещё не сед,
Упился так, что видно – лихо.
Остановился рядом дед,
Помог подняться, молвил тихо:

«Что ж ты, сынок, как боровок,
У лавки землю роешь рылом?
Коль вновь фашист, да вилы – в бок?
Ведь я, сынок, уже без силы.

Тебе страну доверить мне?
Ведь ты ж не выпустишь стакана!»
А тот, качаясь, как во сне,
Поднял глаза на ветерана:

«Дед, ты не думай, не смотри...
Пусть я сегодня свинорылый,
Но то, что у меня внутри,
Палёной водкой не накрыло...

И если враг ко мне домой —
В пивную не открою двери,
И за тебя приму я бой!»
И дед сказал тогда: «Я верю...»

Век двадцать первый... Деда нет...
Опять весна и май в столице.
Опять Ярило дарит свет,
Ну а вокруг – другие лица.

Златой телец идёт войной.
И в душах – тяжкие потери...
И будь сегодня дед живой,
Сказал бы нынешним: «Я верю.»?

Сердце Земли

Взлететь бы в прозрачное небо, как птица,
И к сердцу прижать облака,
И в вольных небесных ветрах раствориться,
Оттуда взглянув с высока

На то, как моя величава планета,
Как шар необъятен Земной,
Как тихо мерцают осколками света
Озёра в ночи под луной.

Лететь бы ей в Космосе мирно и тихо,
Гордясь красотой своей.
Да только настигло несчастную Лихо:
Безумное племя людей...

Пока бились палками долго и больно,
Не падали головы с плеч.
Но только Земля задрожала невольно.
Когда люди сделали меч.

А нынче – игрушки страшней пистолета,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.